

Аксиология личного имени в кубанской лингвокультуре

Система имен в культуре – особый мир. Благодаря именам мир приобретает конкретность, индивидуальность, красочность, звучание. Имя собственное, тем более имя человека, прежде всего несет культурную информацию, являясь маркером этнических и эстетических установок, которые декларируются тем или иным социумом и его институтами. Имянаречение - всегда важное событие для семьи. Нашему языковому сознанию генетически, очевидно, свойственно воспринимать имя как знак характера и судьбы. Не случайно, по данным анкетирования в современной русской аудитории, имена, содержащие звуки *а, д, т, р, г*, интерпретируются как *сильные*, т.е. присущие людям с твердым сильным характером, имена же, содержащие звуки *л, н, м, е* - как *слабые*, и, следовательно, носители этих имен могут не иметь характера вовсе. Заметим, что именно к этому аспекту имен необыкновенно возрос интерес сегодня, очень много появилось работ подобной направленности. Имя как знак судьбы воспринимается многими и сегодня. Воспользуемся здесь примером из словаря Р.Ю. Намитоковой: «Если ваша дочь по паспорту (или даже по псевдониму) - *Натали, Ника или Анжелика*, то примерно понятно, какие песни она будет петь: скорее всего – немудреную смесь советско-европейской эстрады. Но уж коли имя ей *Пелагея*, жди совершенно иного репертуара. Тут сразу начинает веять народностью, былинностью... и действительно, у 11-летней Пелагеи Хановой совершенно уникальный голос – почти четыре октавы, и русские романсы в ее исполнении слушали Б. Ельцин с Гельмутом Кодем и Жаком Шираком. Так имя соответствует сущности» (Комс. Правда, 17 апреля 1998) [Намитокова, 2000: 177]. Из этого примера следует, что в сознании людей имя представлено как фактор, формирующий физиологические особенности человека (в данном случае – голос), эстетические вкусы, определяющий его сущность и выбор жизненной модели. Как видим, сегодня человек имя осмысляет через призму индивидуальной судьбы, в этом случае имя, по мнению многих, должно быть согласовано с личностью человека и способствовать проявлению его сущности.

Традиционная культура имя воспринимает иначе, рассматривая человека как члена сообщества, одного из многих таких же. Жизнь индивида здесь имеет смысл лишь как наследователя и продолжателя традиции. Поэтому исконная функция имени – отделить *своего* от *чужих* и, следовательно, каждая культура имеет свои модели имянаречения и бережно их хранит.

Сфера концептуальной картины мира «свой - чужой» исторически включала личные имена, которые в первую очередь и выполняли функцию культурно-этнического маркера. В частности в традиции именования черноморских казаков наглядно реализована этническая оппозиция «свой - чужой» в таких именах, как *Василь Литвин, Грицько Лях, Фэдир Грек* (второй компонент указывает на инородность человека). С другой стороны, обратим внимание на то, что присвоение имени в соответствии с типичной моделью имянаречения в казачьем войске позволяло человеку стать полноправным членом сообщества. Хорошо известен обряд переименования прибывавших в Запорожскую Сечь, а потом и на Кубань крестьян и других пришлых людей, широко распространенный у казаков, который продиктован необходимостью смены культурно-этнического маркера, после чего *чужой* обретал новую жизнь как *свой*. Этот казачий обряд переименования представляет интерес еще и потому, что осуществляется в традиции смеховой мужской казачьей культуры, когда на казачьем кругу высмеивалось старое имя человека (с которым он пришел), человек как бы выворачивался наизнанку, «умирал», утрачивая навсегда свое прежнее имя, чтобы родиться в новом социальном качестве - члена казачьего коллектива.

Народная культура в силу своей консервативности, изначальной изустности особенно активно транслирует из прошлого в будущее как правило элементы ценностной сферы культуры, центром которой является система нормативно-эстетических установок.

В концептуальном пространстве культуры находятся мифологические и исторические имена, которые тщательно хранит мифология, эпос народа, исторические песни. В кубанском концептуальном континууме это такие имена, как козак Мамай, Байда, Голота, Дорошенко, Сагайдачный, Кульбачный, Кухаренко и пр. Имена сохраняются в поколениях фольклорных текстов, выполняя одновременно кумулятивную и репродуктивную функции, они воспроизводят ценностные аспекты истории народа.

На уровне семейно-бытовом транслируются имена, прозвища, фамилии достойных предков. В этом случае часто даже прозвищное неблагозвучное имя, наполняясь новой событийной семантикой, утрачивает со временем исходную отрицательную коннотацию, обретая другие устойчивые в культуре позитивные оценочные смыслы. Традиция стремится закрепить имена, прославившие свой род. Интересный факт приводит Р. Б. Унарокова, свидетельствующий о существовании у адыгов специальной имянарекательной песни «ЦӀэус орэд», которая представляла собой народный именник. В песне упоминаются два типа имен: имена людей, прославивших себя и свой род подвигами и добрыми делами, и имена людей, унизивших себя и свою семью недостойными поступками. Вторые истолковывались как имена, способные навлечь на нареченное дитя и весь род беду. В песне они звучат как напоминание и предупреждение для будущих поколений. Таким образом, в сознании судьбы людей и их имена составляют единство, закрепляются во взаимосвязи. Поэтому культурное сообщество стремится закрепить позитивные имена и «выдворить» за пределы социума негативные, отвергнутые имена.

Культурная информация транслируется также в продуктивных моделях именования, так как всякой этнической общности присущ собственный набор номинативных признаков, который является выражением специфической этнокультурной картины мира.

Имя как культурный знак, будучи вписанным в определенную культурно-лингвистическую парадигму, такую, например, как *Грыцько – Васько – Павло – Петро*, включает и носителя имени в единое этнокультурное пространство. Вариативность формы имени обусловлена стремлением говорящего означивать реальный и ирреальный мир «родными» знаками, устанавливая границы пространства «свой» – «чужой»: *Олекса, Фэдир/Хвэдир, Васыль, Пэтро, Дмитро, Химко* и др. [Реестр..., 1997].

Прозвище, которое сопровождает личное имя, включает лицо в социум, наделяя его дополнительной «распознавательной» характеристикой в соответствии с теми принципами номинации, которые характерны для той или иной этнической группы. Запорожской традиции свойственны следующие культурно-номинативные парадигмы:

1. - Гончар – Вивчарь - Коваль – Швець – Кравець
2. - Губа – Нис – Нога – Горб – Зуб
3. - Черный – Билый – Рудый
4. - Довгый – Велькый – Малый
5. - Тыхый – Мырный – Дужый – Нэдужый – Люты й – Лыхый
6. - Чайка – Сыныця – Сова – Сорока – Пывень – Кулык
7. - Вовк – Ведмидь – Заяць
8. Волык – Кобылка – Кинь – Бугай и др.

Имя в культуре может быть более частотным, менее частотным, раритетным. Высокая частотность имени свидетельствует не только о большой популярности имени, но также еще и о наличии определенных ценностных установок, которые связаны со звуковой оболочкой лексемы, являющейся частью культурного символа. В Вышестеблиевском курене, который насчитывал 205 человек, по Реестру 1753 года, всего зафиксировано 69 имен, которые имеют разный коэффициент частотности : Иван – 28, Ясько/ Яцько – 16, Васыль – 11, Фэдир – 8, Пэтро – 7, Сэмэн, Мыкола, Грицько – 6, Данило – 5, Илько, Назар, Кирик – 4, Герасым – 3, Михайло, Евтух, Ярко, Кузьма, Улас, Мыкыта, Гаврило, Вакула. Лукьян и пр. – 1 . В Титаровском курене (340 казаков) наиболее частотными именами являются : Иван – 33, Фэдир/Хвэдир - 25, Грицько – 23, Пэтро – 17, Василь – 15, Андрий – 11, Сэмен – 10 [[Реестр..., 1997]. Интересным представляется выяснение аксиологических образов наиболее частотных лексем 18 века в запорожской, а также и кубанской культуре. Неслучайно именно частотные имена стали компонентами пословиц типа «*Про мэнэ Сэмэнэ – я Иван*», «*Васыль бабе ридный Хвэдир*».

Система ценностных установок регламентируется также фразеологией говора, паремией, содержащей личные имена, за которыми закрепляются в свою очередь региональные коннотации. В состав региональных дискурсов «ленивый» входят разные группы имен. Так, например, донской дискурс содержит высказывания типа: *Лянивая, как с Кеива Лукерья... Ничиво ни-делаить, как Касьян... Касьян бишшабашный, ему хуч сет привярнись... Беззаботный Касьян (пориц.)... О, да эта как мастер Анохрий: он всем абищаить, а ничиво ни-умеить делать (Мастер Анохрий (ирон.) БТДСК..* Напротив, о женщине умелой, энергичной на Дону говорят *суетная Марина: У сасетки сын*

привёс из армии нявеску. Расторопная, как суитная Марина. БТСДК. Кубанский дискурс (восточные станицы Кубани) содержит такие оценочные выражения, как жадный, как Матвей Грекович (о мужчине), жадная, как бабка Епичка (о женщине) артотека [Картотека Кубгу].

Личное имя может быть включено и в магическое пространство. Оно используется в момент совершения обряда, заговора как элемент магической парадигмы типа *гора – девочка/девушка – сад – оришечки – кислычки – грушечки – ягодки, дерево – мальчик/юноша – орлык – лучик – дощик*. Имя, помещенное в культурный магический ряд, «втягивает» своего носителя в ирреальное пространство, которое сотворяется поющими в данный момент, во время Святого вечера, с тем, чтобы в будущем оно могло влиять на реальные события: *Мы у дицтви щидрувалы так. Питхо'дылы до хаты и гу'калы: «Пусти'ть щидрува'ть!» Хозяива каза'лы либо «Щидруйтэ!», либо «Ны надо, прохоедьтэ!»*. А як щидрувалы, то пыта'лы, на кого. Хозяива называлы ымя сына или дочкы', уну'ка або каза'лы – щидруйтэ на старыкив.

Ой по го'ри, та й по го'рочки

Там ходыла молодая Лида.

Вона ходыла, та ще й сад сады'ла.

Сад садыла, та ще й розмовля'ла:

«Росты' са'ду, та выще мэ'нэ,

Выще мэ'нэ, та крацэ мэ'нэ.

Ори'шэчки, та для вти'шэчки...

(Верба Мария Ивановна, 1927 г. рожд., ст. Петровская) [Фонды СГПИ].

Имя (а первоначально кличка), по мнению, С.Г. Григоренко, содержит в себе ряд коннотаций, проявляющих изначальную традицию сознания кубанца. «Большой интерес для кубанца представляет то имя, которое отражает в себе оттенки иронии, над ним можно посмеяться. Так, у Кухаренко находим «баба Перепелычка, не мала и не величка», «Пычтына», «Спанас» и т.п. Отсюда становится совершенно понятным наличие в кубанском фольклоре «присказок к именам»: «Спанас свини пас», «Пылып до стены прылып», «Тымошу, убый вошу», «Кондрат – свини брат, кобыли – лялько, а собаки – сват, «Мартын застряв головой у тын» и т.д.» [Григоренко, 2000: 48]. Яркой иллюстрацией народной творческой интерпретации личного имени является известная кубанская скороговорка *«Наш КАРПо располуКАРПовався на малэньких полуКАРПэняток»*.

Таким образом, имя как культурный знак является единицей определенных аксиологических сфер этнического концептуального пространства, и в этом случае оно обладает рядом особых культурно-семиотических функций, которые не всегда совпадают с лингвистическими функциями имени собственного и требуют специального изучения.

Личный ономастикон в отличие от многих лексических микросистем характеризуется высокой степенью открытости, так как по природе своей является сферой культурного взаимодействия, осуществляемого через литературу, искусство, религию, кино, средства массовой коммуникации. Региональные культуры не являются здесь исключением, хотя и характеризуются значительной консервативностью по сравнению с элитарными формами культуры.

Народная культура, бытующая в устной форме, представляя закрытую систему, строящуюся на собственной, исконной, традиции, в определенном смысле противостоит книжной по природе своей и потому имеет собственные механизмы освоения инокультурных имен. Языковые парадигмы оказываются на самом деле культурными парадигмами, так как всякое явление репрезентировано человеческим сознанием в единицах языка. Языковое сознание носителей традиционной культуры принимает чужое только как результат освоения. Известна «непереносимость» диалектами заимствованных слов: *стрихнин – страхнина, гортензия – горденция, трахтор – тарохтор, экскаватор – раскапатор*. Креативность народного сознания проявляется прежде всего в вариативности, ограничивает которую лишь возможный, устоявшийся набор моделей собственной лингвокультуры. Закон мотивированности – это проявление лингвокультурных интерпретирующих способностей говорящих. Инокультурная единица, попадая прежде всего в пространство сознания, толкуется, воспринимается с позиции уже известных, встраивается в фонетические, грамматические парадигмы, коррелируется с лексико-семантическими единицами, что хорошо выражено в процессах ремотивации (народной этимологии), неомотивации, ситуативной мотивации. Структурная ремотивация является следствием включения слова в лингвокультурные грамматические парадигмы. Также и

фонетические сочетания, не типичные для локльной речевой традиции, трансформируются, меняя инокультурный облик слова. Например, в кубанских говорах фонетический рефлекс «ф» – «хв» – *Хвэдир, хвэфраль* (ср. укр. Фэдир, фэвраль).

Таким образом, локальные, формирующиеся длительное время фонетические и грамматические парадигмы, закрепленные в сознании как устойчивые звуковые образы, порождают лексические единицы, содержащие информацию культурного дифференцирующего характера. Отметим здесь всем известную культурную парадигму имени *Иоанн: Иван, Джон, Джованни, Иоганн* и пр., в которой каждое имя стало знаком определенной культуры.

На другом уровне культуры, как известно, пространство «свой» определяет в дальнейшем эстетические установки культуры. Закрепленные устойчивые звуковые сочетания в именах «ласкают слух» носителям культуры, что обеспечивает, с одной стороны, консервативность региональных систем, а, с другой, активную способность транслировать номинативные модели из поколения в поколение.

Интересно, что частотные имена усваиваются культурой в связи с их региональным употреблением, имена же редкие, единичные, как правило, не принимаются в силу их единичности, и несмотря на звуковые и грамматические изменения, воспринимаются как малознакомые, чужеродные.

Запорожская традиционная культура, принявшая образец именованья по Святым, подвергала языковой трансформации канонические имена древнегреческого, римского, древнееврейского происхождения. Фонетической трансформации подверглись имена – *Симеон – Сэмэн, Ефим – Химко, Николай – Мыкола, Прокофий – Прокип* и мн. др. Одновременно имена подчинялись и действию грамматических законов. Неславянские имена включались в грамматические парадигмы личных имен: на –о: *Пэтро, Карпо, Химко, Гаврило, Илько* (Илия), *Ясько* (Яков), *Лэсько* (Алексей); на –а: *Ярмола* (Ермолай), *Мыкола* (Николай); - с нулевой флексией: *Прокип* (Прокофий), *Василь* (Василий).

Кубанская традиция в качестве исконной восприняла запорожскую, но пополнилась новыми именами. В связи с тем, что формирование новой вторичной лингвокультуры происходило значительно позднее – в конце 18 века, влиятельной оказалась официальная традиция, опирающаяся на религиозный канон. Частотность имен имела прямую зависимость от количества святых, носящих одно имя. Высокочастотными оказались имена *Николай* (Мыкола), *Алексей, Иван, Петр*. Православный вариант христианской культуры на территории Украины и России определил надолго, до революции, доминирующую парадигму имен. Так в переписи населения ст. Старонижестеблиевской 1900 – 1905 года находим достаточно большой список мужских имен. Наиболее употребительными здесь являются Иван 29, Федор 15, Василий 14, Николай 14, Андрей 12, Михаил 12, раритетными - Аксентий 1, Герасим 1, Евдоким 1, Захарий, Адам, Вадим, Лука, Тарас, Феофан, Марк, Назар. Обнаружены некоторые региональные варианты передачи имени - Иосип, Димян, Кондрад, Кирило, Сыредон (вместо, очевидно, Спиридон), Назарь, Профир, Грыгорий, Сашко, Крестяп Пымин (Пимен?), Кость (вместо Костя?), Михайло [Фонды СГПИ].

Многие имена из перечисленных явно не были усвоены местной традицией, так как перепись 1941 – 1945 года их уже не содержит. Обратим внимание на то, что в первой переписи всего 63 мужских имени из 226 употреблений, а в переписи 1941-1945 гг. - 41 имя из 292 употреблений (меньше на 22 ед.). В середине 20 века в этой станице наиболее активно функционировали имена: Николай 13, Иван 10, Алексей 8, Василий 8, Юрий 6, Владимир 6, Анатолий 5, Виктор 5, Александр 4, Михаил 4. В переписи 1960 – 1966 года названо 28 имен на 379 употреблений. Частотные: Владимир 45, Василий 40, Сергей 35, Валерий 31, Николай 31, Виктор 31, Александр 29, Иван 25, Анатолий 15, Григорий 15, Юрий 15, Алексей 14, Андрей 13, Михаил 10 [Фонды СГПИ].

Лингвокультура отсеивает часть имен, а часть усваивает наиболее активно, руководствуясь при этом мотивами самыми разнообразными. Во-первых, частотными являются популярные в культуре имена святых, высокий рейтинг которых связан либо с особо чтимыми религиозными праздниками, либо с названием местной церкви. Так, по свидетельству жителей ст. Старонижестеблиевской, частотность имен Иван, Петр и Павел связана с праздниками «Иван Креститель» и «Петр и Павел». Немаловажным фактором является частотность некоторых имен в Святах: Алексей, Иван, Николай и др.

Любой канон со временем разрушается под воздействием других культурных факторов. Культурная норма, будучи актуальной сегодня, через некоторое время под влиянием новых тенденций уступает место другим, допускает вариантность, параллелизм явлений. Проанализируем, например, высказывания коренных жителей кубанских станиц:

В какой день родился – первово марта Мыколой называли. А у мэнэ внук родился в тот день, так Фэдькой назвали (Старотит.2001). *Када рождася хто-ныбудь, то заглядалы у Святки. А там на ций дэнь стоить постылэ имя, а родытэлы ни хотилы цёго имени и давалы на лапу попу, шоп назвал по-другому* (ст. Старониж. 2000)[Фонды СГПИ]. В этом контексте выражение *постылэ имя* свидетельствует о наличии этнокультурного сознания, воспринимающего имя в его звучании как некрасивое. Так, например, в этой же станице записан рассказ учителя (52 года), который носит имя Андрей, хотя по свидетельству о рождении Антон [Фонды СГПИ, экспедиция 1998 г.]. В школе всячески высмеивали его имя, давали неблагозвучные клички, причем, как он заметил, больше в станице на тот момент никто не носил такого имени. Пришлось его матери попросить директора школы, чтобы все в школе называли его Андреем. С тех пор в станице так и зовут его Андреем.

Причем этнокультурное сознание часто не осознает мотивы своего выбора. Ср. *Таких именов, шоб нравылысь, нэ було. Яко имя есть, тако и есть. Модни булы – Мыкола, Сашко, Пытро, Харытон, Ести'х.*

Модное имя – это также культурный фактор, который, на наш взгляд, отражает современные номинативные лингвокультурные приоритеты. Носитель языка в этом случае ориентируется на «модную», эстетизированную парадигму имен. В данном случае включение имени в культурную парадигму зависит от его звуковой оболочки (принцип «благозвучия»). *Нравьятся Рая (Лариста), Герастим, Николай (мой любый зять), Харитина (Харюта). А сичас нравьятся Мы'тички (Дмитрий), Вику'личка (Виктория), Артёмочка (Артём) – у мэнэ внукив так зовуть* (Старотит. 2000) [Фонды СГПИ]. Этот фактор особенно регулярно проявляет себя при установлении сочетания «имя - отчество». **Наблюдаются** даже и такие тонкие культурные реакции, когда фиксируется несоответствие внешнего вида человека и имени: *Бувають смешные. Тётка була – Яла'шка, а ще сама мала була. Так ее хвыгура и имя нэ совмэщальсь* (Старотит. 2000) [Фонды СГПИ].

Как видим, с развитием культуры меняются традиции и нормы именования. Официальные мотивы уступают место более частным мотивам. Чаще появляются экзотичные имена, которые либо принимаются культурой, либо уходят. Имя, являясь заместителем человека в разных ситуациях, получает в культуре много вариантов с разной коннотацией. Официальное имя, фиксированное в документах, представляет лицо как субъект в системе правовых, профессиональных и других отношений в обществе. В зависимости от сферы употребления имя варьируется и структурно, и семантически, образуя целый ряд деминутивных форм, эксплицирующих разные оттенки коннотации. Так, например, в кубанских станицах отмечены региональные варианты имен: *Герастим* (Герасим), *Герася* (Герасим), *Вастыль* (Василий), *Лэстик* (Алексей), имя *Фёдор* имеет парадигму: *Хвэдя, Фэдька, Фэдороты'на; Харитина: Тина, Харюта*. Обнаружены также контаминации в системе женских и мужских имен. Так *Рая* и *Лариса* употребляются как варианты одного имени *Раиса: Рая, Лариста; Анна* рассматривается как вариант имени *Галя* (ср. укр. *Анна – Ганзя*), *Надя* как вариант *Анастасия, Настя* (Старотит. 2000). Является смешанной парадигма имен *Дмитрий* и *Виктор: Ми'трия, Витю'нчик, Мы'тички, Викто'рий* [Фонды СГПИ].

Литература и источники

1. Григоренко, С.Г. К вопросу о специфике этнокультурного сознания жителя Кубани / С.Г. Григоренко // Этнос, язык, культура: проблемы социальной и культурной антропологии: Материалы второй Всероссийской научной конференции 14-15 сентября. Вып.2. Славянск-на-Кубани, 2000. С. 46-50.
2. Картотека словаря кубанских говоров кафедры русского языка КубГУ.
3. Реестр Запорожского войска 1756 года. – Краснодар, 1997.
4. Фонды традиционной речи Кубани лаборатории региональной и компьютерной лексикографии СГПИ.

5. Наши имена: Словарь-справочник личных имен / под ред. Р.Ю. Намитоковой. – Майкоп, 2000. -198 с.

Контрольные вопросы:

1. Какие отличия существуют между процессом имянаречения в современной культуре и традиционных культурах?
2. Какие ассоциативные связи существуют для имени в языковом сознании людей?
3. Носителем какого важного этнокультурного признака является имя в традиционной культуре?
4. Какие функции имеет личное имя в фольклорном, мифологическом тексте народной культуры? Дополните предложенный вам материал своими примерами.
5. Какие коннотации может приобретать личное имя в фольклоре, пословицах и поговорках кубанцев?
6. Какие модели именования существовали в традиции запорожских казаков, как они изменились на Кубани?
7. Что вам известно об обряде переименования у казаков?
8. Какие факторы влияют на процесс изменения или утраты традиции имянаречения?
9. Приведите примеры из собственных наблюдений над процессом имянаречения в современном мире, истолкуйте полученные данные в свете взаимосвязи категорий языка и культуры.
10. Составьте текст небольшой популярной статьи на тему «Традиция именования как способ сохранения культуры», «Имя как знак культуры», «Аксилогические аспекты имени в традиционной культуре».